

О.А. АЛЕКСАНДРОВА

Российский средний класс: идейный контекст становления

Несмотря на декларируемую в последнее десятилетие ревизию постулатов о вторичности идейной сферы, диалектическая взаимосвязь материальной и идеальной сторон жизни трансформирующегося общества остается явно недооцененной. Пример тому - дискуссия о проблемах и перспективах формирования российского среднего класса, в которой речь ведется, прежде всего, о сугубо экономических факторах. В то же время в западной гуманитарной мысли давно сложилась традиция выстраивания иной причинно-следственной связи: от идейной сферы к конструкции и особенностям функционирования государственных и общественных институтов, а через них - к определенному качеству экономической среды и виду социальной структуры [Токвиль, 1992; Corey. 1935; Nutber, 1976; Putnam, 1993].

В современном обществе комплекс взглядов, оценок, установок во многом задается средствами массовой информации. Именно они, в первую очередь, формируют в общественном сознании весь комплекс представлений об институтах демократии и рыночной экономики, а также о механизмах их действия, задают образцы социального поведения. Сказанное тем более относится к современному российскому обществу: начавшиеся более десятилетия назад реформы не были инициированы снизу, а значит, в обществе (даже в его более продвинутой части) не было вызревшей, достаточно цельной системы взглядов, касающихся фундаментальных основ иного общественного порядка. В связи с этим в 1998 году нами было начато исследование "Современный идейный контекст становления российского среднего класса", представляющее собой ретроспективный и текущий контент-анализ российской прессы с начала демократических реформ - с весны 1989 года.

На основе анализа основных факторов, способствовавших становлению среднего класса и преодолению его кризисов в развитых странах Запада, был сформирован круг требующих изучения специальных вопросов: отношение к основным политическим институтам и участию в политическом процессе; отношение к проблеме контроля за властью и социальному контролю в обществе; представления об индивидуализме и солидарности; представления о роли государства в рыночной экономике и др. Предварительная же работа с материалами СМИ и необходимые умозрительные построения позволила сформулировать для них индикативные признаки (категориальная структура контент-анализа состоит из 23 смысловых блоков, включающих в себя 117 категорий анализа).

Для изучения брались газета "Известия", еженедельники "Московские новости" ("МН") и "Аргументы и факты" ("АиФ"), выбранные в качестве материала для анализа в связи с тем, что они, во-первых, выходят на протяжении всего исследуемого

периода, во-вторых, являются достаточно массовыми, в-третьих представляют читательские аудитории (при всей специфике каждой из газеты), которые вполне могут считаться "среднеклассовыми" (что кстати декларируется и самими изданиями); в-четвертых, относятся к СМИ демократической ориентации (для данного исследования показательно. какие именно идеи пропагандируются данным СМИ)

На первом этапе исследования завершено в 1999 году, анализировались и сопоставлялись результаты контент-анализа двух периодов "романтического" (от первых демократических выборов народных депутатов СССР весной 1989 года до декабря 1991 года - преддверия российских реформ) и "радикального" (с января 1992 года по июль 1998 года). Как и предполагалось в формируемом СМИ контексте обнаружилась тенденция, блокирующие становление среднего класса в качестве полноценного участника социально-экономического развития страны. Оказалось, что в период массового перераспределения собственности и становления политической демократии тема демократического контроля за властью не только не стала доминирующей, но даже не заняла сколь-нибудь серьезного места в содержании СМИ. Напротив обнаружился резкий рост открыто негативного отношения СМИ к демократическому контролю и его институтам. Все более принижалось значение институтов представительной демократии, сами они дискредитировались. Другой выраженной тенденцией оказалось изменение пропагандируемого СМИ отношения к участию граждан в политическом процессе с позитивного (поощряющего) в период 1989-1991 годов на негативный в период с 1992 по 1998 год. Произошла и резкая смена параметра "активное политическое участие" на параметр "аполитичность" в позитивном образе представителя "среднего класса"¹

Временной интервал проведенного в 1998-1999 годах исследования не случайно ограничивался июлем 1998 года. Предполагалось, что рефлексия - неизбежное следствие августовского кризиса — может существенно изменить идейный контекст. Поэтому период, условно названный "рефлексия" и продолжавшийся с августа (после дефолта) по ноябрь 1998 года, был выделен для отдельного анализа

"Рефлексия"

Временное ограничение, отпущенное нами на интенсивную рефлексию и заранее определенное экспертным путем, оказалось на удивление точным уже к концу октября "рефлексия" начала "сворачиваться". В текстах все чаще стали встречаться фразы "все устали читать и особенно думать про кризис" ("МН"), "мне не нужен анализ ситуации, я устал разбираться в причинах" ("МН") и т.д. Любопытно, что мотив "усталости" настойчиво зазвучал не только в адресованных "разномастной" публике "Аргументах и фактах", но и в претендующих на "интеллектуального" читателя "Московских новостях"

Как и на предыдущих этапах исследования, анализ текстов предполагал выявление в них идей и сведений, попадающих в круг ранее очерченных специальных вопросов. В то же время специфика исследуемого периода позволила выявить и иные, порожденные кризисом темы

Первое, что позволяет констатировать проведенный контент-анализ, - явное присутствие понятия "средний класс" в коммуникативном пространстве, создаваемом СМИ. Если до кризиса 1998 года термин "средний класс" встречался достаточно редко (в основном в публикациях, касающихся сферы потребления), то с началом августовского кризиса его использование заметно интенсифицировалось. Причем в ряде случаев он был вынесен на обложку издания или объявлен в качестве темы номера. Таким образом, еще недавно дискутировавшийся лишь в профессиональной среде вопрос о степени актуализации термина "средний класс" в массовом сознании и, соответственно, о возможности его использования в массовых опросах, получил достаточно определенный ответ.

¹ Подробно о программе, методике и результатах исследования см. [Александрова, 2000].

Такое изменение ситуации объясняется тем, что именно "средний класс" назывался в качестве основного пострадавшего от кризиса "В России кризис среднего класса Молодой, едва сформировавшийся слой может и вовсе растаять Нет газеты которая не сказала бы что-то печальное по этому поводу." ("МН") Как следует из материалов СМИ, именно его представители стали "новыми безработными". именно их сбережения пропали в обанкротившихся банках, работа именно их предприятий наиболее серьезно пострадала в результате девальвации и ступора финансовой системы

Из контекста, окружающего интересующий нас термин, возникает образ "среднего класса Основной ряд упоминаемых в СМИ характеристик связан со сферой занятости, потребительским и сберегательным поведением, а также с образом жизни его представителей. Так мы узнаем, что средний класс - "самая активная и трудоспособная часть населения ("АиФ"), что в него входят "средние и мелкие предприниматели, банковские служащие, сотрудники иностранных фирм, вчерашние челноки, два-три года назад открывшие частные магазины " ("МН"), а также "сокращенные за ненадобностью банковские клерки, бухгалтеры, экономисты, юристы, мелкие торговцы и многие из тех, кто составлял сферу сервиса вокруг огромной колонии иностранцев в Москве" ("МН").

У рисуемого СМИ среднего класса есть некоторый уровень дохода, определяющий его возможности в сфере потребления к среднему классу может причислить себя тот, кто, «предварительно не пересчитывая денег в кармане, смело останавливает такси» «наливает в стакан "Святой источник", но не пьет воду из-под крана, так же как и не принимает ванну из "перье» ("Известия"), «уже научился модно одеваться, качественно питаться и не отказывать себе в маленьких радостях жизни, включая курение американских "Мальборо" или "Кэмела» ("АиФ") Средний класс - основной клиент на рынке жилья, где 80% сделок приходится не на покупку, а на скрытые обмены. выгодные тем, у кого "лишних денег не бывает" (в отличие от "богатых, уже давно решивших свои жилищные проблемы") ("Известия") Средний класс - это те, кто "доверил российским банкам свои не такие уж большие сбережения" ("АиФ"), "да еще и хранил их в рублевых депозитах, так как это было выгоднее" ("Известия").

Газетные тексты, непосредственно содержащие термин "средний класс" либо отдельные его признаки, позволили также проанализировать транслируемое средствами массовой информации переживание средним классом своего кризиса, оценить отрефлексированность им причин и следствий кризиса При этом СМИ, видимо и транслируют свои собственные ощущения, и - с целью упрочения идентичности с читательской аудиторией - артикулируют настроения, доминирующие, по их мнению, в читательской среде.

Согласно СМИ, и сам кризис, и особенно тот факт, что средний класс оказался в числе его основных жертв, стали для последнего полной неожиданностью 'Нам казалось, что так теперь будет всегда Однако. государство за какие-то несколько дней лишило нас иллюзий' ("так" - это "свободно передвигаться по миру, по своему выбору решать, чем заниматься, куда вкладывать деньги, где искать партнеров по бизнесу" ("МН")). Или другая, еще более яркая цитата «И вот теперь в процесс под названием "лишение людей денег" втянулись совершенно новые жертвы. Энергичные, инициативные, умные, вписавшиеся... Когда по телевизору показывали какую-нибудь Марь Иванову, которая сидит в глухом медвежьем углу и год не получает зарплату за работу которую она, между прочим, выполнила, преуспевающие молодые люди из крупных городов были уверены они сами - представители иного, цивилизованного общества. Потому что смотрят те же фильмы, что их европейские сверстники, покупают одежду тех же фирм, отдыхают на тех же курортах, расплачиваются пластиковыми карточками. Сейчас им указали их место. И выяснился интересный факт, это место - вовсе не там, где они предполагали. Неожиданно для самих себя они тоже оказались российским народом. За несколько летних дней произошел крах иллюзий целого поколения»("МН").

Однако прорывающая сквозь тексты жизненная ткань, в которой вызревал и только-только начинал жить этот средний класс, показывает крах был отнюдь не случаен. Как следует из спровоцированных кризисом откровений, источником, во многом питавшим и эту жизнь, и значительную часть эту среднюю класса, были "шалые деньги" - быстро и помногу зарабатываемые банками при функционировании пирамиды ГКО ("Известия"), безудержно растущие зарплаты и отдельных, преимущественно не связанных с производством реальных товаров и услуг, сегментах рынка ("МН"). Довольно точная характеристика времени обнаруживается в статье В Аксенова с примечательным названием Похмелье. Сейчас, глядя назад, я вспоминаю то ощущение, которое не раз появлялось у меня при взгляде на действительность в последние годы и которое я старательно отгонял. Мне казалось, что население находится в состоянии перманентного опьянения деньгами. Это касалось всех слоев. Что касается нарождающегося среднего класса, то и он был, что называется, подшофе. Похоже, что никто всерьез не размышлял о рыночной экономике, о демократических свободах..." ("МН").

И верно: судя по носталгическим воспоминаниям, становление эту среднего класса шло в обстановке беззаботной и, главное, бездумной. Отличная метафора прежней жизни обнаружилась в известинском театральном обзоре. Поясняя причины отсутствия антреприз в послевзвустовском репертуаре, автор пишет: «В антрепризе не предусмотрено ничего серьезного, она вся - роман, увлечение, влюбленность... Финансовый кризис, ударивший по среднему классу ударил и по этой атмосфере мелкобуржуазной гармонии... и вынуждает сменить глянцево-журнальные мод, помад и духов на политические листовки (имеется в виду появление "Гамлета" с его сакраментальным "быть или не быть" в репертуаре сразу нескольких стационарных московских театров - О. А.». О том же - в известинском телеобзоре: "Публицистика была надолго вытеснена кино и развлечениями на глубокую периферию вещания, и лишь теперь вновь осваивает утраченные эфирные позиции". При этом, откровенничает в "МН" Д. Радышевский, «интеллектуальности... владеющей колоссальным инструментом воздействия на сознание общества ("печатным словом и эфиром". - О.А.)... никто не мешал формировать в обществе иной моральный климат... Но "умничать" было не модно, и мы добровольно отдали наше богатство, эфир и печатные страницы под болтовню...».

Однако привычка к бездумности (собственная или вменяемая аудитории) стала "второй натурой". Отсюда - транслирование СМИ новых иллюзий - "только жители очень благополучных стран могут позволить себе роскошь не знать, что у них происходит с экономикой" ("АиФ"); хандры - "когда на душе плохо и не знаешь, как справиться с проблемами, мечта одна: взять и проснуться. И чтоб опять все дурное оказалось сном, мы опять живем в безмятежном августе" ("АиФ"), и даже протеста - "почему вся страна, мало что понимая, должна с замиранием сердца следить, рухнет рынок ГКО или нет? Даст МВФ Чубайсу кредит или не даст?" ("АиФ").

Инфантилизм, исключительно патерналистские ожидания особенно ярко проявляются в многократно и настойчиво звучащей теме взаимоотношений "государства (власти) и общества, гражданина", подаваемой как прозрение "государство не желает мне никакого добра" ("АиФ"), "наше государство нас не любит" ("МН"). "факты свидетельствуют: чаще других нашего человека обманывает государство. Социологи подсчитали: эта ложь случается в несколько раз чаще, чем, например, супружеские измены" ("АиФ"). Власть, понимаемая в эти дни, - это та, что "устраивает западни", позволяет себе "закидоны", "чистит, как и не снилось браткам" ("МН"), "ищет хитроумных манков, поверив в которые люди еще раз отдадут ей свои сбережения" ("Известия"). "Не понимаю, почему мы - народ и власть - враги друг другу" - вопрошает "АиФ", а "МН", цитируя А. Герцена, отвечают так, как еще недавно это делала "коммунистическая пресса": «Власть расположилась в России, как оккупационная армия в захваченной стране". Те, кто еще носил пионерский галстук, избежал комсомола и на этом основании считал себя сыном западного мира, могут вспомнить

эту цитату Ну а кто именно претворяет ее в жизнь: правительство, банкиры, олигархи - не имеет значения»

Тема мы - дети плохих родителей (государства)" получила и буквальное выражение « Иногда мне кажется, что его (финансовый кризис - О.А.) придумали. Просто для того чтобы объяснить нам что-то важное и нужное про жизнь и Родину. Как детям Мы ведь, в сущности, и есть дети. Их дети - Правительства РФ, Государственной Думы, Ассоциации российских банков, товарища Сороса А они - наши родители Мы их спрашиваем "Когда ж это все кончится?". А они нам в ответ: "Чего?"»("МН").

И еще одна показательная публикация из того же ряда (прямо в рубрике "Рефлексия") журналист идентифицирует "судьбу целого поколения российских граждан и свою в частности" с экс-премьером С Кириенко - "молодым образованным, профессиональным, явно желающим поработать и наверняка умеющим это делать", "молодым человеком в очках, мальчиком из хорошей семьи"(явный претставитель среднего класса) и поясняет почему "На примере Сергея Владиленивича мне просто гораздо легче передать своим соотечественникам ощущения от того, как поступила с нами наша драгоценная Родина" Претензии автора состоят в том, что он 'все в своей жизни делал так, как просила страна' (упоминается прием рыбьего жира, ношение "вытянутых треников" и т. п.), "но она обманула меня, она дала мне по башке ". Отсюда - недоумение "Да на каком таком основании она это сделала? Как могло случиться так, что я, молодой человек в очках, хорошо освоивший специальность, должен думать теперь о ГКО и ОФЗ, о возможности гражданской войны, о судьбе колбасы и стирального порошка, о коммунистах, эмиссии и лично господине Мишеле Камдессю?" И вывод автору хотелось бы, чтобы государство "честно извинилось за то, что с ним сделало" и "представило план дальнейшей совместной жизни" Автору достаточно одного лишь пункта, провозглашающего его самого наиболее дорогим из "того, что есть у государства, но он знает, что этого не случится «Вместо этого Родина скажет "Слышь, Серенька, да ты что, обиделся? Иди сюда, мы тебе леденцов дадим и на карусели покатаем"» ("МН").

Казалось бы, в ситуации, когда главной и явно болезненной становится тема произвола власти в отношении своих граждан, государственного грабежа, параллельную и столь же явную актуализацию должна была бы получить тема демократического контроля (т.е. контроля за властью со стороны общества) с его институтами и механизмами, направленными на существенное ограничение власти в возможности творить произвол Но поразительно даже в острый период кризиса и рефлексии эта тема по-прежнему практически отсутствует на страницах прессы В текстах всех исследуемых изданий не оказалось ни одного суждения, имеющего отношение к теме опасности для общества бесконтрольной власти А в целом за весь период обнаружено лишь 14 публикаций, имеющих отношение к теме демократического контроля Из них в 8 демократический контроль за властью упоминается в позитивном плане (обнаружены утверждения о его необходимости либо возможности осуществления) а в 6 - в негативном (т.е. утверждается обратное) Преобладающими в позитивных по отношению к демократическому контролю публикациях оказались тексты, отсылающие к опыту развитых стран Запада Но и этот ракурс можно сказать, практически не развит' имеется лишь одно суждение, содержащее указание на демократический контроль как на фундаментальную основу благополучия стран Запада и 4 публикации, содержащие весьма скудную информацию о механизмах деятельности институтов демократического контроля в развитых странах Запада

Большая же часть "негатива" относится к российской почве либо в виде фатализации неблагоприятных историко-культурных традиций (как в "АиФ"), либо в негативном образе имеющихся в России институтов демократического контроля (как в "МН" и "Известиях"). Так, публикаций, содержащих позитивно (вернее, нейтрально) окрашенные упоминания о деятельности российских институтов демократического контроля - парламента и Счетной палаты - оказалось в 2 раза меньше, чем публи-

каций, представляющих институты демократического контроля некомпетентными и предвзятыми. Причем материалы СМИ транслируют исключительно взгляд заинтересованной (проверявшейся) стороны, в то время как ни официальные документы, ни комментарии со стороны критикуемых институтов демократического контроля не публикуются.

А что же предлагается взамен? Как отвечают СМИ на вопрос: "Что делать среднему классу?"? Просматривается апология двух противоположных типов действий: активного воздействия на власть (выдвижения требований, участия в ее формировании) и ухода в "глухую оборону". К активному воздействию можно отнести призывы к среднему классу "стать политическим классом (правда, такой призыв оказался единственным), а также не манкировать участием в выборах парламента, ибо у Государственной думы "не тот" состав из-за пассивности значительной части среднего класса в ходе парламентских выборов 1995 года (провозглашается в основном творческой интеллигенцией и более всего в "МН").

Однако лозунги, направленные на активизацию политического участия, с лихвой компенсируются массой разбросанных по текстам суждений, лежащих в русле выявленной еще на предыдущем этапе исследования противоположной (отвращающей от политического участия) тенденции. Так. "АиФ" демонстрирует абсолютное преобладание "негативного" (отвращающего) отношения к участию в политике над "позитивным" (соотношение - 10 : 1). При этом наибольший удельный вес в "негативе" получили категории "указания на политику как на нечто совершенно отдельное, далекое от жизни большинства граждан, не имеющее к их жизни непосредственного отношения" и указания на "политику" как на область человеческой деятельности, характеризующуюся "специфическими негативными чертами, делающими это занятие неприемлемым для достойных людей".

В "Известиях" побуждающие и отвращающие суждения находятся в равновесии (8 : 7 в пользу "негатива"). При этом побуждающие суждения сконцентрировались в категории "прагматического смысла" (в большинстве случаев это как раз связано с "не той Думой"), а "негатив" оказался равномерно "размазан" по всем другим предусмотренным категориям, условно названным: "политика - чужие игры", "политика - дело грязное", "представителю среднего класса - не до политики", "за нас уже все решено" и "мы все устали от политики".

Наибольшее внимание теме политического участия уделено в "МН" (24 публикации). Но и здесь крен в сторону негативного (отвращающего) отношения (соотношение негатив/позитив - 14 : 10). Практически весь "позитив" (70% суждений) сконцентрировался в категории "прагматического смысла". Однако с учетом того, что такое же количество суждений относит политику к "грязному делу", неприемлемому для достойных людей (почти 50% всего "негатива"), здесь возникает явное противоречие, и его разрешение довольно сложно прогнозировать. 1/5 "негатива" составила категория "указания на бессмысленность интереса и участия простых граждан в политике ввиду полной невозможности реально на что-либо влиять" (индикаторы - суждения, смысл которых сводится к тому, что "они там, наверху, все равно договорятся", "в России никогда такого не было", "пока у нас не появится гражданское общество" и т.п.).

Что касается "политического участия" как составляющей образа представителя среднего класса, активизацию которой можно было бы предположить, то ситуация оказалась следующей: единичные публикации, содержащие данный тезис, компенсируются другими, включающими (или даже педалирующими) "аполитичность" в позитивный образ представителя среднего класса. В таких условиях наибольшее влияние приобретает второй из предлагаемых СМИ тип поведения — дистанцирование от государства, политики, власти. Вот лишь две цитаты из известинского телеобзора (позволяющего, кстати, зафиксировать наличие аналогичных тенденций в гораздо более мощно воздействующих - электронных СМИ): «...Вышедший в прайм-тайм "Взгляд", возможно, раньше других угадал в общественном настроении не очень внятный пока,

но чрезвычайно важный посыл: надейся на себя. Делай сам... И чем больше будет людей, чья жизнь не зависит от политики, тем быстрее политика начнет зависеть от людей», «а в "Пресс-клубе" собрались... люди дела, предприниматели, представители среднего и малого бизнеса, больше других пострадавшие от финансового обвала... Они ничего у власти не просят, кроме одного: "не трогайте. Не мешайте. Дайте нормальные законы и оставьте нас в покое"».

Таким образом, контент-анализ посткризисной рефлексии показывает: кризис не стал стимулом к сколь-нибудь серьезному продвижению транслируемого СМИ идейного контекста в сторону необходимых для становления и упрочения позиций потенциального российского среднего класса знаний и навыков. Глубинные причины произошедшего остались не осмысленными. А значит, экономическая основа потенциального среднего класса, так и не научившегося создавать и использовать механизмы, заставляющие власть действовать в его интересах, по-прежнему остается зыбкой.

"Новые времена"

В связи с тем, что период рефлексии не изменил принципиальным образом ранее выявленные в идейном контексте тенденции, следующим периодом, в котором предположение о возникновении новых тенденций казалось оправданным, был определен период, начинающийся 1 января 2000 года. Вехой, фиксирующей "новую эру", стал досрочный уход с политической арены президента Б. Ельцина, чье правление олицетворяло прежнюю эпоху.

Предполагалось, что в предшествующий период процесс формирования среднего класса шел под воздействием идейного контекста, отражающего специфику реализации российских социально-экономических реформ в 1990-е годы. Современный же период - и в силу традиции отрицания предшествующего периода при смене лидерства, и ввиду достаточной неопределенности в отношении экономико-политической философии нового главы государства, казалось, мог создать совершенно новый идейный контекст. Например, в рамках попыток национальной мобилизации возможно было предположить актуализацию тем "роль государства", "индивидуализм и солидарность" и т.п.

Что касается темы "формируемые СМИ представления о роли государства в рыночной экономике", то как и в предшествующие периоды текст СМИ анализировался на предмет установления:

- соотношения числа суждений, несущих противопоставление рыночных принципов в экономике, прав и свобод граждан, с одной стороны, и сильного государства - с другой, к числу суждений, отражающих необходимость сильного государства, эффективно осуществляющего свои базисные функции, в том числе путем принуждения, для обеспечения прав и свобод граждан, функционирования рыночной экономики;

- соотношения числа суждений, использующих термины "сильное государство", "сильная власть" в значении "имеющие право на произвол" (и потому опасные и вредные для экономики и граждан), к числу суждений, в которых эти термины используются в качестве характеристик базисных функций власти, обеспечивающих единство "правил игры" и жестко карающих за их нарушение.

Главным выводом проведенного контент-анализа в отношении данной темы может служить следующий: вопрос о месте и роли государства в рыночной экономике перестал быть дискуссионным. Подтверждение тому - незначительное в целом число зафиксированных на эту тему суждений. Выявленное нами в предшествующие периоды постепенное снижение показателей отрицательного отношения к "сильному" государству, педалирования его несовместимости с рыночной экономикой и гражданскими правами (что ярко проявлялось в "МН" и "Известиях" перестроечных времен) продолжилось, и к 2000 году во всех исследуемых изданиях зафиксировано практи-

чески полное отсутствие суждений, противопоставляющих сильное государство, с одной стороны, и права и свободы граждан, функционирование рыночной экономики - с другой.

Однако такой консенсус относительно необходимости сильного государства отнюдь не снимает, а напротив, актуализирует вопрос о состоянии и качестве общества - "vis-a-vis" и необходимого "партнера" сильного государства. Возникли ли здесь какие-либо новые тенденции в части идей самоорганизации и необходимости усиления демократического контроля за властью? Увы, нет.

Так, проведенное исследование позволило выявить во всех изученных изданиях явное усугубление тенденции, зафиксированной еще в предшествующие периоды, а именно: выраженную тенденцию изменения пропагандируемого отношения к участию граждан в политическом процессе с позитивного в период 1989-1991 годов на негативное во все последующие годы радикальных реформ. Например, в "АиФ" суждений, отражающих "негативное" отношение к участию в политическом процессе, отвращающих от него оказалось более чем в два раза больше, нежели суждений позитивных, побуждающих к участию. В "Известиях" - еще более серьезный разрыв в пользу "негатива": отношение негативных суждений к позитивным составляет 5:1. Что же касается "МН", то в них вообще не удалось обнаружить ни одного суждения, способного оказать побуждающее, поощряющее воздействие на участие граждан в политическом процессе.

При этом весь обнаруженный как в "АиФ", так и в "Известиях" "позитив" пришелся исключительно на февраль-март 2000 года, что позволяет объяснить его наличие в первую очередь утилитарными попытками мобилизации электората перед президентскими выборами. Неслучайно наибольший удельный вес в "позитиве" (в "АиФ", например, почти 50%) имеет достаточно абстрактная категория анализа, предусматривающая наличие в тексте указаний на массовое участие граждан в политике как на необходимое условие реального функционирования демократии ("выброс" показателей именно этой категории в период избирательной кампании вполне совпадает с отечественным пониманием демократии, в котором участие граждан в политическом процессе, да и вся демократия, похоже, редуцированы до дня выборов). И, более того, практически весь мобилизующий "позитив" и в "АиФ", и в "Известиях" оказался в предвыборных материалах Г. Явлинского.

Наибольший удельный вес в "негативе" (50% в "АиФ" и 60% в "Известиях") у суждений, характеризующих политику исключительно как интриги и "разборки" властей, наблюдаемые по телевизору "чужие игры", от которых в жизни большинства граждан "все равно ничего не зависит". Такого рода суждений в 9 раз больше, чем подающих политику как арену, где происходят битвы, непосредственно влияющие на жизнь простых граждан. В "МН" преобладание категории "политика - не имеющая отношения к нашей жизни чужая игра" сохранилось и в послевыборный период. Также в послевыборный период в "МН" и "Известиях" обнаружены суждения, указывающие на бессмысленность интереса к политике и участия в ней обычных граждан из-за полной невозможности на что-либо повлиять.

Не изменилась ситуация и с отношением СМИ к теме демократического контроля. В результате исследования не удалось выявить какую-либо тенденцию в отношении как к отдельным категориям позитивного и негативного подхода к демократическому контролю, так и к теме в целом. Причина — в чрезвычайно малом количестве попавших в выборку случаев. Таким образом, единственный и главный вывод, который можно сделать: тема демократического контроля за властью до сих пор так и не стала по-настоящему актуальной. Зафиксированное в "МН" некоторое число суждений, несущих позитивное отношение к демократическому контролю, судя по контексту, связано с некоторой оппозиционностью данного издания в отношении В. Путина и ряда аспектов его политики (войне в Чечне и преследованиям медиа-магнатов). При этом и количество суждений, и глубина проработки темы не дают возможности оценить это как серьезную тенденцию.

В целом же, главное, что выявил контент-анализ прессы за первое полугодие 2000 года, - поразительно скудная идейная наполненность, характеризующая ее содержание в наступивших "новых временах". Причем с окончанием избирательной кампании идейная невнятность, которую еще можно было объяснить желанием участников президентской гонки привлечь как можно больше голосов избирателей, не закончилась. Как метко охарактеризовал сложившуюся в современном идейном пространстве ситуацию обозреватель "Известий" М. Соколов - "Скука есть, а счастья нет" Вопрос состоит только в том, характеризует ли это общество или сами СМИ, взявшие на себя миссию говорить от его имени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова О. Л.* Современный идейный контекст становления российского среднего класса // Российское общество на рубеже веков штрихи к портрету М., 2000
Токвиль А. Демократия в Америке М., 1992
Corey L. The Crisis of the Middle Class. New York, 1935
Hutber P. Declin and Fall of Middle Class and how it can be Fight Again. London, 1976
Putnam R.B. Making Democracy Work Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993

© О. Александрова, 2002